

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ОПЫТ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Статья посвящена осмыслению опыта войны 1812 года с точки зрения возможности его применения в современной патриотической работе. Особое внимание уделено связи русского патриотизма с православной идеей.

Ключевые слова: *духовная жизнь, родина, православие, национальная идентификация, воин.*

Патриотическая тема при любом государственном устройстве актуальна, однако в последние годы она стала главной разменной монетой современных политиков. Патриотами представляют себя люди самых разных мировоззренческих взглядов и ценностных ориентаций. На этом фоне обострилась идеологическая борьба по поводу отношения к православной церкви, которая в силу своего исторического происхождения в нашей стране, всегда занимала положение главного апологета и фундатора принципов патриотизма. Поразительно, с какой яростью политики вроде бы патриотической направленности, но атеистических взглядов препятствуют любым попыткам восстановить в государственной идеологии и образовании опору на православные ценности.

В таком контексте развертывание темы «Русский патриотизм и православие» требует прежде всего ответа на принципиальный вопрос: «Возможен ли русский патриотизм без православия?»

Рассмотрим проблему в этом ключе. Для многих патриотизм – это великодержавная гордость, оставшаяся от ощущения сверхдержавности СССР. Чувство вполне реальное, но бесплодное, ввиду отсутствия объективной реальности государства, о котором идет речь. Однако сильнее, хочется надеяться, современные патриотические настроения наших людей созвучны позиции М. Волошина. Когда ему предложили эмигрировать из охваченной гражданской войной России, он сказал: «Когда мать больна – дети с нею». И никуда не уехал.

Действительно, какое-то чувство сродненности с землей, к счастью, еще есть в народе. Тут возникает неизбежный вопрос: какие факторы нужно считать достаточными, чтобы рассматривать как единое целое население, рассредоточенное по огромной территории, разные части которой соприкасаются с весьма различными этнокультурными ареалами мира и, вероятно, могут существовать в некоем режиме самообеспечения? Очевидно, ни экономические, ни кровнородственные, ни даже политико-административные условия не достаточны. Необходимо духовное единство, позволяющее каждому человеку ощущать себя частью некоего целого, ради которого он готов отказаться от части (иногда очень большой части) своих личных интересов, возможностей, собственности.

Понимание национальной самодостаточности России не может осуществиться без фактора духовной детерминации. В отличие от роста человека, рост народа не может рассматриваться как исключительно физиологический процесс. Люди осознают общность между собой прежде всего духовно. Естественно, для России православие – фактор принципиальнейший. Во многих смыслах, и сейчас, когда в России всерьез воцерковленных людей, видимо, не более 12–15 %, быть русским все-таки означает быть православным. Об этом свидетельствуют данные

всех социологических опросов, где выясняется конфессиональная самоидентификация людей (православными определяют себя не менее 70 % населения).

Россия не смогла бы не только дорасти до нынешнего физического размера, но и в принципе сохраниться в окружении сильных враждебных народов, если бы не была православной. События последних столетий (от старообрядческого раскола до атеизма советской эпохи) сильно осложнили ситуацию, но сейчас многое можно исправить, поскольку снята анафема со старообрядцев, а период безрелигиозности государства сделал неактуальными многие духовные противоречия рубежа XIX–XX вв. Россия осталась православной, пусть по традиции, по культуре, пусть маловерной, но православной. Во всяком случае, никакого иного мировоззренческого стержня, способного цементировать страну, не видно.

Хорошо отражена связь человека, ощущающего свою причастность к родной земле через религиозные установления, в известном стихотворении А.С. Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

*Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня.
И как алтарь без божества.*

В этом небольшом произведении фактически выражена концепция подлинного патриотизма, который всегда держится на любви к земле предков. Любовь эта имеет не физическую природу. Она глубоко духовна, определена Богом и раскрывается в душевной работе человека. Для Пушкина без такой любви самый мир теряет смысл, а душа — одухотворенность.

Очевидно, что именно патриотический взгляд является нормальным фактором определения смысла жизни человека. Патриотизм позволяет реализоваться в любой деятельности. Занимается ли человек земледелием, ремеслом, производством, торгует, создает художественные ценности, лечит людей, собирает и перерабатывает информацию, учит, исследует, молится — все важно и необходимо Родине. Однако особенно отчетливо патриотическая позиция проявляется, когда угрожает опасность — во время военных нападений. Здесь выражение патриотизма приближается к священнодействию. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин., 15:13], — сказано в Евангелии. Именно поэтому, говоря о патриотизме, мы в первую очередь вспоминаем воинов и их великие битвы.

Современное социальное устройство в мире таково, что по мере выработки невоенных способов преодоления конфликтов количество прямых участников военных столкновений уменьшается. Тем не менее идея патриотизма несколько не теряет своего значения для нормального развития любой страны, а нашей в особенности, ввиду сложностей исторического, географического, этнологическо-

го, демографического порядка. Образы воинов прошедших эпох, которых можно рассматривать как идеальные с патриотической точки зрения, весьма актуальны.

В этом смысле отмечаемый ныне 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. дает прекрасные возможности для формирования необходимого идеала.

В тот год ни для высшей аристократии, ни для духовенства, интеллектуалов, торговцев и промышленников, горожан и крестьян не было никакого сомнения в том, что в Россию вторгся враг. Враг могучий и грозный. Спасти от него можно только сообща, жертвуя самым дорогим.

Парадокс в том, что эта, казалось бы, очевидная позиция, совсем не была однозначной в других странах, куда вошел Наполеон. Ведь он шел как освободитель, носитель идей гражданского равенства и прав личности. По всей Европе его поддерживали, многие шли под его знамена.

Что, этого не знали в России? Разумеется, знали. Русское дворянство находилось под влиянием французской культуры, многие бывали во Франции, привозили литературу. Более того, сам император Александр Благословенный общался с Наполеоном, интересовался его планами государственного устройства. Будучи воспитанником эпохи Просвещения, Александр как никто был близок идеям всеобщего благоденствия. Для нашего царя французское руководство представлялось неподходящим для реализации этой задачи. Он прямо говорит в 1804 г.: «Наиболее могущественное оружие, каким до сих пор пользовались французы и которым они еще угрожают всем странам, это общее мнение, что их дело – дело свободы и благоденствия народов. Было бы постыдно для человечества, чтобы такое прекрасное дело пришлось рассматривать как задачу правительства, ни в каком отношении не заслуживающего быть его поборником» (цит. по [1, с. 196]).

Красивые идеи, выдвигаемые Наполеоном, в России воспринимались с подозрением, ввиду неприятия источника этих идей. Наполеон пытался расчленить единство российского общества. Определенную поддержку нашел среди поляков, добивавшихся восстановления независимости своего государства. Однако уже обращение к украинскому казачеству, казалось бы, тоже потерявшему самостоятельность при Екатерине – не дало ничего. Казаки однозначно и весьма активно выступили на стороне своего правительства. В Великороссии обращаться было не к кому.

Для большинства россиян принципиальное значение имело неправославие Наполеона и всей его многоязыкой армии. Для православных было очевидно, что с Запада исходит опасность жестоких притеснений в вопросах совести. Примеров такого рода великое множество со времени захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Особенно богата в этом смысле история польско-литовской Речи Посполитой, где православное население не раз оказывалось, по существу, вне закона. Опыт введения унии православной церкви с папством на условиях сохранения обрядности свидетельствует о том же самом – об использовании ее как механизма угнетения православных.

Хорошо известно было и другое: те, кто уходил из православия – становились врагами России. Прецеденты известны в разные века. Очень четко это видно в трагедии «Вольдемар» Владимира Сергеевича Печерина – русского человека, перешедшего в католичество и ставшего иезуитом. Там есть такие строки:

*Как сладостно Отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!*

Произведение написано в начале 30-х гг. XIX в., но подобная точка зрения среди отступников православия была и раньше. С Запада, в духовном смысле, не ждали хорошего и в мирное время, а тут – война, огромная армия. Патриотический подъем охватывает всех.

Интересно сравнить проявления патриотизма в войну 1812 г. с тем, что происходило в другую Отечественную – Вторую мировую. Здесь так же, как и в начале XIX в., проявляется высочайшая степень патриотического напряжения, массовый героизм и самоотверженность. Это – реалии жизни нашего народа в ту войну. Однако нельзя забывать, что в гитлеровских войсках (и войсках их союзников) находилось до пяти миллионов русскоговорящих людей, в том числе три национальные армии. И ведь эти люди отдавали жизнь тоже за патриотические идеалы, испытывая, по словам поэта М. Карпычева:

*Бессилие, ненависть к страшным Советам,
При светлой, священной к России любви.*

Получается, что именно события 1812 г., в силу исторических обстоятельств, дают наиболее чистое выражение идеи русского патриотизма, и, соответственно, участники этой войны представляют собой идеал патриотов.

Немаловажно еще одно обстоятельство. Русская армия XIX в. была воспитана в стройной патриотической концепции, сложившейся еще в екатерининские времена. Компактным выражением этой концепции является работа генералиссимуса А.В. Суворова «Наука побеждать», опубликованная впервые в 1806 г. В ней дано много рекомендаций методического характера по разным вопросам военного искусства и организации походной жизни войска, но красной нитью проводится идея готовности умереть «за Дом Богородицы» (символическое название России) и упования на Божью помощь. Это стержень патриотизма XIX в.

Как мы можем использовать патриотический опыт войны 1812 г. в современных условиях? В первую очередь необходимо осознать православную составляющую патриотизма русских воинов того времени. Прежде всего следует выделить три позиции:

1. Православная вера дает основу соборного единства народа, при котором каждый способен реализовывать свои силы в общем деле. В армии это особенно заметно.

2. Вера дает человеку Страх Божий, т.е. осознание своей ответственности перед Богом в надежде на жизнь вечную. Это чувство помогает преодолеть страх перед любой земной, временной напастью. Русские воины благодаря ему демонстрировали высочайшую доблесть, беззаветное мужество, но вместе с тем и милосердие, терпимость, заботу о ближних.

3. Вера помогает строить отношения с окружающими на принципах православной семьи. В российской армии старшие старались по-отечески заботиться о младших, не рисковать ими зря. Младшие – беззаветно исполняли задачи. Генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли, чтобы сохранить солдат перед вдвое большей армией Наполеона, вел войско вглубь страны от русской границы почти такое же расстояние, как от Парижа до этой границы. Светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов заботился о том же. На Бородинском поле русских погибло на треть меньше, чем французов, но и после этого было решено сдать Москву, чтобы избежать больших потерь.

Все это служит для нас прекрасным образцом устройства общественных отношений и формирования патриотической позиции каждого [2].

Библиографический список

1. *Пресняков А.Б.* Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 464 с.
2. Подробнее этот вопрос рассмотрен в статье: *Лесовиченко А.М.* Русский патриотизм и православие: соотношение в современной культуре // *Художественная культура и образование: теория, история, методика.* Новосибирск; Херсон, 2008. С. 8–14.